

УДК 94 (57)

Быт и хозяйство посадского населения Иркутска в конце XVII – первой трети XVIII в.

В. П. Шахеров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются вопросы формирования посадского населения Иркутского острога и города. Приводится количественный и социальный состав посада. Проанализированы основные направления хозяйственных занятий, особенности развития экономических связей в условиях первоначального освоения Байкальской Сибири, участие иркутян в торговых отношениях с Монголией и Китаем.

Ключевые слова: Иркутск, посадское население, экономические связи, пушные промыслы, китайские товары, ремесло.

Строительство Иркутского острога знаменовало собой окончательное закрепление Прибайкалья за Российским государством. Благодаря своему местоположению, он быстро занял ведущее положение среди ангарских и байкальских острогов и зимовий, содействуя развитию региональных хозяйственных связей. Превращение Иркутска в товарораспределительный центр, связывающий северо-восточные окраины Сибири и Забайкалья со всей страной, оказало решающее влияние на формирование населения города и его социально-экономическое развитие.

Первыми жителями Иркутского острога были служилые люди, выполнявшие в основном военно-административные функции. К 1681 г. гарнизон острога насчитывал всего 44 человека. Их было явно недостаточно для дальнейшего освоения региона. Непокойная ситуация на монгольской границе требовала большего числа людей. Не случайно енисейский воевода Приклонский доносил в Москву еще в 1674 г., что «в Селенгинском, государь, и в Иркутском, и в брацких острогах служивых людей мало и оборонитца от воинских больших людей нечем...». Служилое население постоянно находилось в различных службах и посылках, так что в острогах для несения караульной службы оставалось немного человек, главным образом пожилых и увечных. Даже в Енисейском остроге, влияние которого простиралось на все Прибайкалье и Забайкалье, в 1671 г. из 475 человек в карауле оставалось всего 23 казака. Остальные находились на «дальних службах» во всех концах уезда [14, с. 201]. В связи с превращением Иркутска в центр самостоятельного уезда численность служилого населения заметно растет. Оно формируется как за счет перевода части казаков из Енисейска и других сибирских городов, так и путем «прибора» на государеву службу гулящих и промышленных людей. К 1690 г. в Иркутске насчитывалось уже до 400 кон-

ных и пеших казаков. Но и этого числа не хватало для обеспечения безопасности города и выполнения всех казенных служб. В 1696 г. в Москву были отправлены с челобитной представители иркутского казачества. В челобитной они просили «о прибавочных людях о 300 и вновь о приверстке конной службы 200 человек». В конце XVII в. служилое население Иркутска составляло около половины жителей. В их числе были два «дворянина московского списка», 13 детей боярских, 5 подьячих приказной избы, 409 конных и пеших казаков и 50 служилых людей, переселенных «в вечное жительство» из Сургута, Туринска, Верхотурья и Березова [16, с. 19].

К концу XVII в. дальние походы стали редкими. Это давало возможность служилому населению больше внимания уделять хозяйственным делам. Многие из них постоянно занимались промысловой деятельностью, ремеслами, участвовали в торговых операциях. Наличие вокруг города плодородной земли позволяло многим из казаков вместо хлебного жалования «служить с пашни». Некоторые из них, особенно казачья верхушка, владели значительными земельными угодьями. Так, известной иркутской династии служилых людей Перфильевых принадлежало в общей сложности 220 десятин пахотной земли, на которой были основаны заимки и деревни. Значительные земельные наделы были у казаков Михалевых, Могутовых, Могилевых и др. К 1724 г. в Иркутске в службе было занято 569 человек, в том числе 35 детей боярских, 23 казачьих голов, 511 казаков. По утвержденному реестру надлежало оставить только 500 человек (10 сибирских дворян, 40 детей боярских, 450 казаков) [12, с. 284]. Остальные перечислялись в соловие разночинцев.

Посадское и крестьянское население Иркутска и его окрестностей формировалось в основном за счет промышленных и гулящих людей. Значительная часть из них лишь на время приходила в Прибайкалье, но по мере освоения края и роста здесь городских и сельских поселений некоторая их часть оседала на постоянное место жительства. В 1701 г. посадских и служилых насчитывалось в Иркутске 1007 душ м. п. Собственно посадское население, несущее все мирские и казенные подати, росло медленно. В 1681 г. в посаде Иркутска насчитывалось всего 27 человек. За два десятилетия их количество возросло до 110. Вместе с женами и детьми они составляли 314 человек. В числе посадских были ремесленники, мелкие торговцы, работные люди и «хлебные оброчники», жившие на посаде.

Писцовая книга 1686 г. дает возможность определить, откуда и когда пришли в Иркутск первые посадские жители. По пять человек прибыло в Иркутск из Москвы и Устюга, четверо из Яренска, по трое из Пинеги и Сольвычегодска, двое из Енисейска, по одному из Мезени, Пскова, Усолья, Переяславля-Залесского, Усть-Цельмы, Шацка и один из Малороссии. Судя по документам, почти половина из них были гулящие люди, трое ссыльных, трое пашенных крестьян и двое посадских. Большинство причислилось в Иркутский посад еще в 1660-х гг. Значительная часть посадского населения занималась земледелием. В 1686 г. из 37 семей посадских имели пашни или

сенокосы 26 [7, с. 23]. Некоторые и жили не на посаде, а по окрестным селам и заимкам.

В первые десятилетия XVIII в. численность жителей посада начинает расти быстрее. Иркутск постепенно превращается в торгово-ремесленный центр региона. Первая ревизия 1722 г. насчитала в городе 597 посадских, ко второй (1744 г.) их число увеличилось на 1133 ревизских души. По-прежнему высока была доля пришлого населения. Только 277 человек были причислены из обывателей города, еще 80 человек поступили в посад из Иркутского уезда. Остальные из разных мест Сибири (199 чел.) и Европейской России (535 душ м. п.) [5, с. 95]. Интересно, что среди переселенцев из России до 85 % составляли выходцы из Устюга, Яренска, Сольвычегодска, Вологды, Вятки и других районов Поморья.

С ростом населения растет и сам город. В 1737 г. в Иркутске насчитывалось уже 939 обывательских дворов, а общее количество горожан превышало 4 тыс. [4, с. 80]. Кроме постоянных жителей, в городах и острогах Сибири было немало сезонного населения, приходящего для различных работ. Среди них были гулящие люди, работники и служащие российских и сибирских купцов, ясачные инородцы и даже иностранцы (бухарские, монгольские и китайские торговцы). По данным переписи 1710 г., в Иркутске насчитывалось 1939 гулящих людей, но только 98 из них имели свои дома в посаде. Остальные работали «из найму», занимались земледелием и различными промыслами. Среди них было много престарелых и больных, живших в основном подаяниями.

Жилая застройка в Иркутске формировалась по берегу Ангары справа и слева от острога. Причем быстрее она росла в Идинском направлении, где берег был выше и в меньшей степени подвергался затоплению при разливах Ангары. Именно в эту сторону от острога начинает формироваться торговый центр с деревянным гостиным двором и таможней. Развитию этой части города содействовало ее положение: здесь находилась переправа, соединявшая город с Московским трактом, а также выход к берегу р. Ушаковки (Иды), где уже с конца XVII в. располагались мукомольные мельницы, лежали сенокосные и пашенные угодья горожан. Противоположная – Ангарская сторона развивалась медленнее.

В 1726 г. ввиду сложной ситуации на российско-китайской границе Иркутск был обнесен палисадом с тремя воротами. Двое из них находились в Идинской части (Мельничные и Монастырские), еще одни – Заморские – открывали путь вверх по Ангаре к Байкалу. За палисадной стеной были построены дома для солдат, и со временем возникла небольшая солдатская слобода. Через два года, в 1728 г., был перестроен и сам острог. Его береговую стену несколько отодвинули, и вся крепость сместилась в северо-восточном направлении примерно на 20 м. Острог составлял как бы «малый город», а вне его находился «большой», обведенный деревянным палисадом. Таким образом, к 1730-м гг. Иркутск превратился в хорошо укрепленный город, имеющий развитую хозяйственную и общественную структуру.

Сам палисад стал заметным градоформирующим фактором, определяющим направление части улиц на выходы из города. Другим фактором стала береговая планировка, заставлявшая улицы искать выход к воде. Расширение территории города сопровождалось ростом обывательской застройки. Городские дома были сплошь деревянные, усадебного типа, включавшие в себя огороды, сады, хозяйственные постройки. В административные и жилые здания постепенно проникали элементы классицизма, внося некоторое оживление в патриархальные постройки старомосковского типа. Так, при перестройке в 1725 г. дома губернатора в нем были сделаны большие окна на «петербургский или итальянский манер».

Начало каменного строительства в Сибири было связано с рядом царских указов конца XVII в., предписывающих возводить церковные и казенные здания: приказные избы, таможни, «каменные анбары» для «всяких нужд и клади» из камня или кирпича в целях борьбы с частыми пожарами. Грамоты Сибирского приказа детально разъясняли технологию кирпичного производства и растворов, правила кладки. Для возведения каменных зданий и обучения сибиряков «каменному строению» практиковалась отправка из Москвы опытных мастеров и каменщиков. Первые каменные строения появились в Тобольске и Верхотурье. Затем мастера, здесь работавшие, были отправлены в другие города Сибири. Так, в Иркутске появились Моисей Иванов Долгих и Куприян Андреев, построившие первое в городе каменное здание приказной избы в 1701–1704 гг. [2, с. 192]. Правительство и в дальнейшем поощряло каменное строительство в российских городах, в том числе и в Сибири. Так, указ Сената от 12 декабря 1765 г. предписывал «во всех городах канцелярии, архивы, губернские и воеводские дома и прочие публичные строения для лучшей безопасности и крепости делать каменные». [13, с. 29] В первой половине XVIII в. в Иркутске было выстроено всего пять каменных строений: воеводская канцелярия, пороховой погреб, казенная пивоварня и два храма – Спасская церковь и Собор Богоявления. Первый частный каменный дом построен в 1745 г. председателем иркутского магистрата, купцом и промышленником М. И. Глазуновым.

Рост города напрямую был связан с усилением его административной роли. С конца 1724 г. Иркутское воеводство было переименовано в провинцию во главе с вице-губернатором. Соответственно, были увеличены штаты. В Иркутской провинции они составили 91 человек, в самом Иркутске – 30 человек. В 1736 г. обширная Сибирская губерния, в которой «единому губернатору, за дальним расстоянием городов и слобод, великая неспособность в управлении имелась», была разделена на два управления. Иркутская провинция была сделана самостоятельной и вверена особому вице-губернатору, подчиненному непосредственно Сибирскому приказу. Среди иркутских воевод и губернаторов редко можно было найти человека честно-го, радеющего о процветании общества и края. Чаше встречались такие, как Л. Ракитин или А. Жолобов. Оба закончили свою жизнь на плахе, настолько вопиющими были их преступления. Воевода Лаврентий Ракитин, по словам летописца, с самого начала правления проявлял чрезмерную жесткость, на-

казывая кнутом за самые малые преступления. В 1717 г. он встретил за Байкалом идущий из Китая караван купца Гусятникова и отобрал у него золото, серебро и различные китайские товары. В Иркутске говорили, что сделано это беззаконие было по прямому распоряжению сибирского губернатора Гагарина [7, с. 70]. В следующем году воеводу вызвали в Петербург. Вскоре он разделил судьбу своего начальника.

Не менее колоритной фигурой был статский советник Алексей Жолобов. За свое трехлетнее пребывание в должности вице-губернатора Иркутской провинции (1731–1733 гг.) он смог правдами и неправдами нажить почти 35 тыс. рублей. Своих противников, а среди них были чиновники и торговые люди, он «пытал безвинно и при пытках жег огнем». В 1736 г. после продолжительного следствия он был казнен в Петербурге [8, с. 47].

Сменивший его полковник Андрей Плещеев также оставил о себе в Иркутске недобрую память: был «вспыльчив и корыстолюбив, промышленных и торговых людей за недачу подарков драл плетью и кнутом и притеснял приказных служителей; приверженцев же своих любил постоянно угощать и поить разными винами допьяна» [8, с. 50]. Плещеев не ужился с местным епископом Иннокентием (Неруновичем), который также отличался вспыльчивостью и тяжелым нравом. Однажды они схватились на обеде у президента магистрата купца Глазунова, да так, что епископ вынужден был спастись бегством. Среди иркутян долго жило предание об артиллерийской дуэли, устроенной ими [16, с. 58–59].

Наиболее позитивной следует признать деятельность статского советника Лоренца Ланга, управлявшего Иркутской провинцией в 1739–1752 гг. Обрусевший швед начал свою службу в России на дипломатическом поприще. В 1712–1730-х гг. был членом нескольких посольств в Пекин, принимал участие в заключении Буринского и Кяхтинского договоров, организации и развитии караванной торговли России с Китаем. Два года провел в Пекине в качестве российского торгового агента. На посту вице-губернатора он активно помогал организации работ в Сибири участникам Второй камчатской экспедиции, поддерживал иркутских купцов и даже предложил создать единую купеческую компанию по торговле «с пограничными около Сибири государствами».

Заметные изменения произошли в городском самоуправлении. Первоначально интересы посадской части города представлял земский староста. Избираемый посадом, он ведал сбором податей, следил за выполнением распоряжений воеводской приказной избы. С введением Главного магистрата в России была создана система городского управления. В городах создавались городские магистраты и ратуши. В Иркутске городская ратуша была открыта в 1722 г. Первыми бургомистрами были избраны купцы М. Сухой и И. Гранин, ратманами П. Верховцев, И. Толмачев и С. Котов. Иркутская ратуша на первых порах была подведомственна Тобольскому магистрату, но уже через год в Иркутске учреждается свой магистрат, а ратуша упраздняется. После ликвидации в 1728 г. Главного магистрата были закрыты и подчиненные ему местные органы. С восстановлением в 1743 г. Главного магист-

рата вновь был открыт губернский магистрат в Иркутске. Бургомистрами были избраны крупнейшие купцы города М. Глазунов и Н. Бречалов, ратманами М. Мясников, П. Лазарев и И. Пестовский [7, с. 60].

В хозяйственной жизни края на первых порах преобладало промысловое освоение. Местом притяжения промышленных и гулящих людей и служилого населения были байкальские промыслы. На многочисленных реках и речках, впадающих в озеро, стояли промысловые зимовья зверопромышленников. Еще Н. Спафарий отмечал «по тем рекам по всем зимовьям промышленных казаков, которые промышляют соболя». По данным О. И. Кашик, в этот период через Иркутск ежегодно проходило более 300 человек на соболиные и омулевые промыслы «на Байкал-море» [9, с. 131]. Важным подспорьем в рационе питания иркутян была рыба, которая в изобилии водилась на Ангаре и особенно на Байкале. Об изобилии рыбы на Селенге и юге Байкала писал участник Второй камчатской экспедиции С. П. Крашенинников: «Сею рыбою не только живущие по Селенге реке по целому году довольствуются, но ради излишнего довольствия и в Иркутск соленую уже бочками привозят, которая также и Иркутским жителям немало пользует» [20, с. 82].

С 1650-х гг. начинается земледельческое освоение Прибайкалья. Первые пашни были заведены около Балаганского острога для снабжения хлебом новых поселений на Байкале. После основания Иркутского острога начинают распахивать земли по Куде, Иркуту, Ангаре, Белой, Китою. В 1680-х гг. здесь появляются слободы и села пашенных крестьян. Сибирские власти проявляли особую заботу по созданию на местах собственной продовольственной базы. С этой целью на новые земли направляли ссыльных и крестьян из северных уездов России. В 1690 г. в Иркутск было направлено 160 семей из Тобольска и Енисейска для определения на «государеву» пашню. Иркутский воевода Л. Кислянский поселил 40 семей по р. Белой, 61 семью по рекам Куде и Оек, трех человек в деревнях Урик и Разводная. В 1692 г. ими было распахано 123 десятины земли [6, с. 213]. Десять человек из этой партии были зачислены в иркутский посад, а 46 человек оказались не у дел, потому что «многие из них стары и дряхлы, а иные увечны, слепы и безноги, кормятца скитаючись меж дворами».

К началу XVIII в. в Иркутском уезде насчитывалось 333 двора пашенных и монастырских крестьян, и число их быстро возрастало. В 1710 г. в уезде проживало уже около 2,8 тыс. крестьян. К этому времени Прибайкалье становится основной продовольственной базой для русского населения Забайкалья. Своевременность и необходимость создания казенной пашни в Прибайкалье проявилась в 1680-х гг., когда для усиления позиций России в Забайкалье пришлось в сжатые сроки сосредоточить здесь значительные военные силы. Потребовалось в течение нескольких лет создать хлебные запасы в 150 тыс. пудов только муки. Несмотря на такие объемы, иркутские власти успешно справлялись с задачей. Еще несколько десятков тысяч пудов поставили в Восточное Забайкалье частные подрядчики. Среди них особенно выделялись крупнейшие сибирские торговцы Иван и Андрей Ушаковы. Для обработки закупаемого в Иркутском уезде хлеба Ушаковы построи-

ли в 1678–1681 гг. две мельницы в районе города на р. Иде, которая уже с конца XVII в. стала называться Ушаковкой. На каждой из них только одного помола для казенных поставок за Байкал производилось ежегодно по 2 тыс. пудов [3, с. 306]. Кроме хлебного, Ушаковы владели в Иркутске квасным, пивным и винным производством. В 1688 г. они поставили в Иркутск, Илимск и Красноярск около 2 тыс. ведер «горячего вина», а в 1695 г. – 10 тыс. ведер [3, с. 308]. Если учесть, что Ушаковым принадлежали также солеваренный промысел в районе Усоля и мыловаренный завод, то их следует признать крупнейшими предпринимателями Иркутска.

К 1690-м гг. Ушаковы сосредоточили в своих руках всю частную хлебную торговлю в Енисейском, Илимском и Иркутском уездах. «А из Иркутского, – свидетельствуют документы, – привозят на Селенгу в Удинской хлебные запасы торговые люди, и то укратчи, для того, что не дает привозить из Енисейского енисейский посадской человек Ивашко Ушаков, квасник. А у него Ивашка, в Иркутском квасная на откуп. И для ради той своей он квасной в Енисейском торговым людям хлеба купить не дает, и дорогу запер» [21 с. 37–39].

С появлением в Прибайкалье русского населения начинаются активные поиски полезных ископаемых. Прежде всего это обуславливалось местными нуждами. Слюда, соль, железо, строительные материалы были необходимы в хозяйстве. Интересы государства требовали настойчивых поисков в Сибири золота, серебра, металлов, речного жемчуга, драгоценных камней. Иркутские воеводы И. Власов и Л. Кислянский лично участвовали в поиске полезных ископаемых, направляли рудознатцев и казаков в горные районы Байкала и Саян. В 1680-х гг. начинается производство железа в Идинском остроге и неподалеку от Балаганска в Кузнецкой слободе, жители которых занимались добычей руд из небольших ям, имели кузницы и плавилы железо в небольших домницах. В 1687 г. указанные населенные пункты были приписаны к Иркутску и снабжали его кричным железом. В эти же годы производились поиски железной руды по р. Белой.

С 1682 г. начинается добыча слюды на Байкале. Она сдавалась казной на откуп зажиточной верхушке иркутского посада. Сначала промыслом занимался посадский Алексей Самойлов. На промысле работало 12 работников под присмотром приказчика Григория Нарницына. С 1683 г. Самойлова сменил один из наиболее состоятельных иркутских предпринимателей Иван Штинников. В год добывалось более 250 пудов слюды. Вся она поступала в Иркутск. В 1680-х гг. новые слюдяные месторождения были открыты в районе Малого моря и на южном берегу озера в верховьях речки Слудной.

Производились поиски минеральной краски, «горячей серы», селитры и даже нефти. В 1684 г. в Иркутский острог поступило сообщение, что «за острожною де Иркутской речкою... из горы идет жар неведомо отчего, и на том месте зимою снег не живет, а летом трава не растет». Воевода Л. Кислянский организовал «досмотр» и установил, что это «есть сущая нефть». Однако попытки начать ее добычу не увенчались успехом, так как «людей ведущих такое дело не сыскалось» [10, с. 28].

Более успешно осваивались соляные месторождения. В 1669 г. иркутский пятидесятник Онисим Михалев получил «отводную» на два острова на р. Ангаре «с соляными пожиланами», 30 десятин пахотной земли и 10 десятин покосов. За десять лет им было выварено почти 3 тыс. пудов соли. Стремясь расширить производство, братья Михалевы взяли в компанию иркутских посадских людей Семена Кузнецова и Афанасия Куроптю. Была построена новая варница больших размеров, но вскоре, в 1682 г., Ангарский солеваренный завод был продан Ивану Ушакову за 510 рублей. Ушакову удалось заметно поднять производство и снизить цены на соль в четыре раза. Теперь Иркутск был обеспечен солью с избытком. Соль с ушаковских варниц расходилась по Иркутскому уезду и за Байкал. Работали на заводе пять наемных работника-солевара. К обеспечению производства привлекались и пашенные крестьяне небольшой деревни (10 дворов), также принадлежавшей Ушаковым.

В 1704 г. соляной промысел в Усолье был передан иркутскому Вознесенскому мужскому монастырю. Монастырь построил новую соляную варницу и владел ею до 1709 г., уплачивая в казну пятый пуд. С 1709 по 1728 г. солеваренный завод находился в ведении казны, постепенно приходя в упадок. Указом 1727 г. соляные варницы из казны возвращались в частные руки. Предписывалось восстановить запущенные варницы и строить новые, «где вновь сыщут росоль». С 1728 г. Вознесенский монастырь вновь приобрел ангарское Усолье «за цену великую... с цыреном ветхим и протчими заводы».

По мере роста посадского населения в Иркутске начинает складываться ремесленное производство и местная промышленность. Задачи освоения края, развитие торговых связей, бытовые нужды и потребности населения предъявляли спрос на различные изделия из металлов, дерева, кожи, тканей. В первую очередь развивалось производство, освоенное на местном сырье. Приходившие в Иркутск ремесленники заводили кузницы, мыловарни, кожевни, скорняжные и другие мастерские. Прозвища иркутских посадских людей конца XVII в. свидетельствуют об их специализации: Семен Котельник, Евсей Кузнец, Иван Кваснин, Иван Кирпишник, Иван Колокольник, Семен Скорняк, Тихон Шорник, Любим Выжигальщик. Свои изделия они изготавливали по заказам торговых и служилых людей, пашенных крестьян. К концу XVII в. крупные города Западной Сибири имели достаточно развитое ремесло, и оброчные крестьяне и посадские из Европейской России уходили дальше на восток. В 1701 г. крестьяне из Суздальского уезда И. Куприянов и И. Иванов указывали в челобитной: «Приволоклись мы, сироты твои, с Руси в Тобольск покормитца портным ремеслишком и дехти курить, и от той... работишка в Тобольску нам не прокормитца». Исхлопотав проезжую грамоту, они отправились в Иркутск [10, с. 5]. И такие случаи были не единичны.

Кроме частных заказов, иркутские ремесленники часто привлекались к работам на казну. Например, для обеспечения переброски крупных военных сил Ф. А. Головина в Забайкалье иркутяне в 1687 г. обеспечивали строительство и снаряжение дощаников для переправы через Байкал и колесный транспорт для воинского обоза. Кузнечных дел мастера гнули ободья для

сотен колес, ковали гвозди, скобы, крюки; бондари изготовляли бочки для перевозки соленой рыбы, муки и других продуктов.

В 1693 г. в Иркутске было две кузницы, одна из которых обеспечивала государственные нужды. Из Енисейска отправляли квалифицированных мастеров кузнечного и оружейного дела. В 1695 г. был послан «для починки ружья» кузнец Андрей Бронников. Через год ему на смену прибыл П. Леонтьев, но и Бронников в Енисейск не вернулся. В эти же годы старостой над иркутскими кузнецами был назначен иркутский посадский Иван Хром, в ведении которого было 7 человек. В металлообработке можно было уже заметить признаки специализации. В 1711–1712 гг. городские кузнецы поставили по подряду в казну 31 тыс. скоб конопатых по 1 руб. 20 к. за тысячу. Кузнец Семен Сазонов поставил по подряду 2 тыс. гвоздей по 2 руб. за тысячу. Мастера-котельники Прохор Миронов с товарищами делали котлы для казенного винокуренного завода.

Некоторые кузнецы, не ограничиваясь сбытом своей продукции на местном рынке, вывозили изделия в Нерчинск и другие города Забайкалья. В таможенной книге Нерчинска за 1710 г. встречаем запись о привозе иркутским «казачим братом» Никифором Большаковым своей «домовой работы» 30 топоров, 30 кос-горбуш, 10 сошников, которые он выменял на китайские ткани.

Если плотницкое мастерство было доступно почти всему взрослому мужскому населению города, то начало каменного строительства вызвало необходимость появления каменных дел мастеров и кирпичников. Еще в 1699 г. из Иркутска писали в Сибирский приказ о том, что «каменного дела мастеров и камни и тесу годного и извести нет», на что из Москвы требовали привлекать к строительным работам ссыльных и всех праздношатающихся, которые «под образом нищеты по дворам шатаются, а работы никакой делать не хотят». Для строительства первых каменных зданий города у Знаменского женского монастыря были построены кирпичные сараи. Один из первых построил посадский Иван Кирпичник. Уже в 1701 г. в строительных работах было занято 43 ссыльных. Они заготавливали глину, ломали и тесали камень, строили кирпичные сараи. Каменное строительство в Иркутске было полностью обеспечено местным строительным материалом. Лес, камень, глина, известь заготавливались в окрестностях города.

Некоторое развитие в городе получила обработка животного сырья. Десятки ремесленников были заняты в выделке кож, изготовлении мыла и свеч. Некоторые из них работали не только по заказам, но и поставляли продукцию в уезд и даже Забайкалье. Так, сын боярский Шестаков имел небольшие «мыльный» и кожевенный заводики. Еще большие масштабы имело мыловаренное производство, организованное Иваном Штинниковым. Это был очень предприимчивый человек. Он брал подряды на ломку слюды и соляное производство, занимался байкальскими рыбными промыслами и скупкой хлеба у крестьян. В 1683 г. вместе с родным братом, селенгинским казаком Андреем Штинниковым, и енисейским мастером-мыловаром Иевом Мыльником он построил в Иркутске мыловаренный завод. Его постройка и оборудование обошлись в 476 руб. 52 коп. Производство мыла было рассчи-

тано не только на городской рынок и уезд, но и на вывоз в Забайкалье. И. Штинников имел лавочных сидельцев в Нерчинске и Албазине, к которым отправлял продукцию на своих дощаниках и подводах. В 1680-х гг. только в Нерчинске он ежегодно выручал до 600 руб. С 1685 г. И. Штинников отказался от услуг компаньонов и стал единоличным хозяином завода. В среднем завод вырабатывал до 200 косяков мыла, из которых около половины реализовывалось в Иркутске. Видимо, в эти годы его производство полностью обеспечивало потребности города. Во всяком случае, таможенные книги привоз мыла на иркутский рынок из других мест не зафиксировали. Следует сказать также, что стоимость косяка мыла в Иркутске не превышала 1 руб. 20 алтын, в то время как в Нерчинске он продавался уже по 3 руб. К концу XVII в. Штинников стал самым богатым посадским Иркутска. В 1690-х гг. он был приказчиком гостя Ивана Ушакова, ходил с торговыми караванами в Китай, а затем стал иркутским таможенным головой [3, с. 304–305].

В первые десятилетия существования Иркутского острога хлебное вино привозили из Тобольска и Енисейска, но уже в 1680-х гг. появляются небольшие винокурни и пивоварни. Подряды на производство и поставку вина брали служилые люди, представители местной администрации, торговые люди. В разное время винокурением занимались посадский С. Максимов, дети боярские И. Перфильев и Е. Курдюков, братья Пивоваровы. В 1695 г. Иван Перфильев и Семен Максимов обязались «подрядом сварить» 400 ведер вина по 50 коп. за ведро. Пивовары в 1700–1704 гг. получили право винокурения и винной продажи в Иркутском уезде и за Байкалом за 3 тыс. руб. в год. Они производили не менее тысячи ведер «горячего вина». Еще большие размеры имело винокурненное производство гостей Ушаковых. Скупая в большом количестве хлеб у иркутских крестьян, они организовали в Иркутске крупное квасное, пивоваренное и винокурненное производства. На их винокурненном заводе, построенном в 6 верстах от города за Ушаковкой, выкуривалось более 10 тыс. ведер.

Учитывая успехи местного земледелия, Сибирский приказ распорядился в 1699 г. построить казенные винокурни в Иркутске и Илимске. Для завода была использована винокурня Ушаковых. В ней было установлено 6 новых медных котлов и закуплено 3 тыс. пудов хлеба. В течение осени 1700 г. на заводе было выкурено 881 ведро вина. Работали на нем вначале всего 7 человек-винокуров, 2 браговара и 4 работных людей [10, с. 42]. В 1705 г. здесь трудилось уже 13 работных людей, а к 1717 г. их число возросло до 16. Росли и размеры производства спиртных напитков. Только в 1717 г. в Забайкалье было вывезено вина почти на 7 тыс. руб. Производство и продажа вина приносила казне значительные доходы. Себестоимость одного ведра составляла около 35 коп., а продавалось оно в казенных кабаках по 3 руб. Вводя казенную монополию на производство вина, правительство жестко пресекало нелегальное винокурение, конфисковывая орудия производства и ломая тайные каштаки.

На первых порах численность и специализация ремесленников в целом удовлетворяла запросы горожан и ближайшей округи. Характерен следую-

щий эпизод. В 1739 г. иркутский вице-губернатор Л. Ланг содействовал переезду из столицы в Иркутск нескольким немецким мастерам. Среди них были сапожники, столяр, серебряник, портной, перчаточник и седельник. Все они получили ссуды от 60 до 150 руб. на переезд и обзаведение на новом месте. Но уже через четыре года все покинули город, объясняя свой отъезд тем, что «пользы никакой себе от мастерства не имеют... Промышленных сапожников и протчих мастеровых людей многое число здесь имеется» [22, с. 44.]. При этом ряд производств был еще слабо представлен на местном рынке. Так, немецкий ученый Д. Мессершмидт, покидая Иркутск летом 1725 г., накупил здесь большое количество китайских тканей, шелковых китайских фигурок и цветов на сумму в 1139 руб. В то же время из-за невозможности достать в городе гвозди и смолу задержался почти на месяц [17, с. 116.].

Развитие сибирских промыслов, в первую очередь пушных, привлекало сюда торговых людей из России. Особый интерес вызывали южные районы Восточной Сибири, открывавшие возможность к торговому диалогу с Монголией и Китаем. Важнейшим торговым и товарораспределительным центром региона с 1680-х гг. становится Иркутск. Через него проходила вся торговля с Забайкальем и Приамурьем. Центром торговой жизни города являлся гостиный двор с одиннадцатью лавками, но они не справлялись с объемом торговых операций. Уже в 1681 г. приезжавшие в Иркутск приказчики гостей Е. Филатьева, С. Лузина, И. Ушакова и другие торговцы просили расширить торговые помещения на местном гостином дворе и построить новые лавки, погреба, а также избы для жилья. Особенно оживлялось торговое движение в марте, когда в Иркутск прибывали обозы с российскими товарами и пушниной. Как отмечал один из торговцев в 1697 г., «как зачался быть Иркутской, такова иногородним купецким людям в приезде многолюдства и на хлеб и на скот и на харчи и на сено и на дрова никогда не бывало такой дорогой цены» [11, с. 190]. Главную роль в развитии торговли играли иногородние купцы. Через них и их приказчиков и сидельцев Иркутск поддерживал связи с большим числом торговых центров страны, прежде всего Устюгом, Яренском, Сольвычегодском, Тобольском, Енисейском. Из Иркутска товаропотоки распределялись на Лену, в Забайкалье, в города и слободы Иркутского и Илимского уездов.

Данные таможенных книг позволяют определить ассортимент товаров, вывозимых на Лену и в Забайкалье. Из Иркутска вывозили пушнину, «русские товары», китайские шелковые и хлопчатобумажные ткани. К примеру, в 1688 г. В. Давыдов, лавочный сиделец гостя А. Филатьева, вывез из Иркутска большую партию товаров в Удинск и Нерчинск на сумму в 617 руб. Среди его товаров были грубое и сермяжное сукно, сафьян, кумачи, миткаль, кушаки, вязаные чулки, попоны, зеркала ярославские, воск, мед, кремни, медные изделия и др. В небольших размерах из Иркутска в Забайкалье поступала продукция местного производства: железо, соль, рыба, хлеб и мука, слюда, кожи, мыло, рогатый скот и лошади.

Усилению торговой роли Иркутска заметно способствовало развитие пограничной торговли с Монголией и Китаем. Из Иркутска через Тунку служилые и торговые люди регулярно ездили в Монголию «для скотинной покупки». Через бухарцев и монгольских торговцев в Иркутск поступали китайские товары, а оттуда вывозились на Ирбитскую ярмарку и в Россию. Бухарские торговцы, заинтересованные в установлении торговых связей с русскими купцами, с 1680-х гг. регулярно стали появляться в восточносибирских городах. В Красноярске в дополнение к гостиному двору был выстроен особый «бухарский двор». Воспользовавшись частыми поездками джунгарских послов в Иркутск, бухарские торговцы стали отправлять караваны и туда. Первый такой караван подошел к стенам острога в ноябре 1684 г. Он пришел из Северной Монголии через хребет Хамар-Дабан и Тункинскую долину. На 170 верблюдах были доставлены китайские ткани, хлопчатая бумага, чай, табак, мерлушка. Первый опыт торговли оказался достаточно успешным, и через год в Иркутск пришел новый караван из 130 верблюдов в сопровождении 15 торговых бухарцев с семьями. Самым многочисленным оказался третий караван. На 172 верблюдах было привезено китайских и бухарских товаров на 2 тыс. руб. К прибытию караванов в Иркутск стекались торговые люди со всей Сибири. Съезд торговых и промышленных людей был настолько велик, что в городе стало не хватать складских помещений [1, с. 113].

Большое значение для экономики края имело установление торговых отношений между Россией и Китаем. Центром этой торговли до начала XVIII в. был Нерчинск. Именно отсюда отправлялись казенные и частные караваны в Пекин. Весь торг держали в своих руках хозяева сибирского рынка гости Филатьевы, Г. Никитин, С. Лузин, И. Ушаков и др. Производя обороты на десятки тысяч рублей, они вывозили китайские товары в Россию. Через Иркутск они проходили транзитом. Активным участником торговли была казна. Иркутский воевода Л. Кислянский уже в 1689 г. предлагал всю «мягкую рухлядь», собранную в Иркутске с ясачных людей и таможенной, посылать для обмена на китайскую границу и ожидал от этого «прибыль немалую» [7, с. 32]. Десятки сибирских торговцев съезжались в Нерчинск к приходу караванов из Пекина и разменивали свои товары на китайские. Этим, в частности, объясняется появление на иркутском рынке китайских товаров. Например, осенью 1699 г. в Иркутске было зарегистрировано 37 таких продаж на 7834 руб.

Укреплению внешнеторговых связей Иркутска способствовало освоение нового пути в Китай через Селенгинск и монгольские степи. Впервые использовал его для целей русско-китайской торговли И. Савватеев. Новый путь хотя и был значительно труднее, но занимал почти в два раза меньше времени. С 1703 г. казенные караваны в Пекин стали уходить из Иркутска через Селенгинск, что превращало наш город в центр караванной торговли. В 1706 г. эта дорога официально была одобрена Сибирским приказом. После открытия нового пути в Иркутске наблюдалось большое оживление. Осенью 1704 г. таможенный голова П. Соловаров привез собранные в виде пошлины китайские товары в количестве «до сего времени невиданном». Из Иркутска

выслали в Москву китайских товаров, взятых в виде пошлины с каравана И. Саватеева, почти на 36 тыс. руб. [11, с. 196]. С этого времени караваны П. Худякова, Г. Осколкова, М. Гусятникова и других, сменяя друг друга, отправлялись из Иркутска.

Торговые связи Иркутска с Монголией и Китаем оказали заметное влияние на бытовую культуру города. Несмотря на то что горожане имели довольно смутное представление о китайской культуре и жизни, на бытовом уровне они в той или иной степени проникали в их образ жизни. Так, еще в начале XVIII в. И. Георги отмечал в иркутских домах «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских ваз и посуды, статуэток, картин и других бытовых вещей. Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы и овощи. Китайская материя разных сортов и изделия из нее, чай, сахар имели повсеместное употребление. В Иркутске и городах Забайкалья из китайских товаров легко можно было найти бархат, шелк-сырец, китайку (хлопчатобумажная ткань), сученый шелк, чай байховый и кирпичный, бадьян, румяна, белила, фарфоровую и глиняную посуду, сахар-леденец и песочный, разные сорта фруктов, орехи, конфеты, табак «шар», тушь и некоторую мелочь. Сибирский историк П. А. Словцов отмечал, что здесь «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы». У многих купцов и мещан мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими.

Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев. И. Георги рассказывал, что ему приходилось наблюдать в отдельных купеческих семьях Иркутска один из моментов застольного этикета, перенятого у китайцев, когда не только пили чай, но подавали десерт из фруктов и конфет на множестве китайских тарелок. До 1777 г. иркутяне не употребляли чернил, а писали тушью, привозимой из Китая. В Иркутске звучала речь на китайском, монгольском, японском языках, а среди горожан было немало людей, побывавших в Китае или связанных с русско-китайской торговлей. Так, среди имущества умершего в 1752 г. иркутского вице-губернатора Л. Ланга имелось много китайских вещей, одежды и различных бытовых безделушек, в том числе две картины на бумаге, 11 шпалер на коже, разрисованных золотом, 11 картин тушью на рисовой бумаге и один органчик, покрытый черным лаком [18, л. 8–9].

Преобразование Иркутска из острожного поселения в центр обширнейшей провинции сказалось на всех сторонах городской жизни. Менялся внешний вид города, город постепенно приобретал более развитую торговую инфраструктуру. Не менее серьезные изменения происходили в социальной и культурно-бытовой жизни иркутян. Необходимость составлять ответы «на запросные пункты господ профессоров Академии» Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера, анкеты Академии наук, Шляхетского корпуса, Комиссии по коммерции заставляла местных чиновников интересоваться старыми документами, собирать различные сведения о природе и географии края, хозяйстве и быте населения. Один из таких составителей канцелярист Георгий Суворов сообщал, что «прошлых лет в архиве Иркутской дела до бытности моей были не описаны и не разобраны, а ныне по определению Иркутской

провинциальной канцелярии прошлых лет всякие старинные дела разбираютца по годам и описывают, для чего определен нарочный» [19, л. 12].

Развитию интереса к окружающей среде, собственной истории, пограничным странам способствовали научные экспедиции, участники которых неоднократно бывали в Иркутске. Иркутяне с интересом встречались с Д. Г. Мессершмидтом, И. Г. Гмелиным, участниками Второй Камчатской экспедиции В. Беринга и другими исследователями. Особое внимание, прежде всего у купечества, вызывали сведения о новых землях в Тихом океане и на Аляске, в странах Юго-Восточной Азии. Восточная ориентация Иркутска проявилась уже с конца XVII в. В городе бывали посланники и торговые люди из различных мест Монголии, Средней Азии, Китая. Разными путями в город попадали представители таких отдаленных государств, как Япония или Индия. Японцы были в основном представлены потерпевшими кораблекрушение моряками. Некоторые из них принимали православие и оседали в посадском обществе. В 1720-х гг. в Иркутске некоторое время проживал индийский купец с диковинным именем Парессотемагир. Был он родом из Дели, в Иркутске занимался торговыми делами. Здесь его окрестили и женили. Он очень заинтересовал Д. Г. Мессершмидта, который брал у него уроки индийского языка и записал с его слов различные сведения о выращивании и сборе разных сортов чая в Индии [17, с. 67, 114].

Уже в 1689 г. в Иркутске были грамотные люди, умевшие не только расписываться, но и составлять деловые бумаги. Взятый на откуп «площадное письмо» Ф. Демидов вынужден был просить воеводу И. М. Перфильева запретить под угрозой штрафа всем другим заниматься этим ремеслом, ибо «мимо иво Федьки пишут площадные дела и всякие письменные крепости сторонние всяких чинов люди» [15, с. 45]. Каких-то точных сведений об уровне грамотности в Иркутске практически нет, но показательно, что из 40 жителей Уриковской слободы, привлеченных к следствию по делу крестьянки М. Родионовой, грамотных оказалось 7 – казак, дьячок, три жителя слободы и, что само по себе интересно, 2 крестьянки.

Чаще грамотные встречались среди служилого населения. В этом плане показательны две челобитные иркутских казаков 1698 и 1699 гг. Первую из них от имени 50 человек подписало 9 казаков, вторую от имени 53 – 19 человек. За отсутствием школ детей учили у писцов, подьячих, священников, военных. Обучение было самым примитивным и имело целью научить лишь письму и чтению. Удовлетворить свою страсть к более широким знаниям можно было только самообразованием и чтением.

Петровские преобразования потребовали большего числа образованных людей, более углубленных знаний и опытных специалистов. Особенно остро эта проблема стояла в Сибири в связи с широкомасштабным изучением ее природных ресурсов, становлением горного дела, описанием и освоением восточных окраин. Первая школа в Иркутске была открыта в 1725 г. при Вознесенском мужском монастыре под именем «мунгальской». Первоначально в ней обучалось 25 учеников, но через десять лет их число выросло до 70. Принимали в школу сирот и детей священнослужителей и обучали русской грамоте и монгольскому языку.

В 1727 г. с открытием русского отделения школы переименовали в русско-монгольскую, но после 1737 г. преподавание монгольского языка прекратилось, и школа превратилась в славяно-русскую. В 1740 г. ее возглавил Павел Малиновский (архимандрит Платон) – бывший префект славяно-латинской школы в Киеве. При нем стала преподаваться латынь, а школа стала именоваться семинарией.

Однако духовные школы уже не могли удовлетворить возросшие потребности государства и общества в светском образовании. В середине XVIII в. в ряде городов Сибири стали открываться «гарнизонные цифирные школы», в которых солдатские дети обучались грамоте и началам арифметики. Начавшиеся в Сибири географические и картографические исследования, работы по измерению и межеванию земель, а также развитие судоходства и горного дела потребовали более углубленных знаний и опытных специалистов. В 1740-х гг. по инициативе иркутского вице-губернатора Л. Ланга была открыта школа для подготовки геодезистов и землемеров. В 1754 г. она была преобразована в школу «навигации и геодезии». Первоначально в ней обучалось всего 32 ученика. В программу подготовки учащихся входили арифметика, черчение, геометрия, геодезия, архитектура, судостроение и мореходство. Учителями были назначены прапорщик А. Семьгин, И. Бритов и учитель географии поручик Юсупов.

Таким образом, уже в конце XVII – начале XVIII столетия Иркутск превращается в крупный административный и экономический центр огромного региона от Енисея до Тихого океана. С ростом городской застройки заметно увеличивается его население, усложняется социальная структура, насыщенной и разнообразнее становятся хозяйственные занятия и быт горожан.

Список литературы

1. *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. – 272 с.
2. *Баландин С. Н.* Начало русского каменного строительства в Сибири / С. Н. Баландин // Сибирские города XVII – начала XX в. – Новосибирск : Наука, 1981. – С. 174–196.
3. *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. / О. Н. Вилков. – Новосибирск : Наука, 1990. – 368 с.
4. *Вилков О. Н.* К истории города Иркутска в XVIII в. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1973. – № 1: Сер. обществ. наук. – Вып. 1. – С. 80–89.
5. *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы) / В. В. Воробьев. – Новосибирск : Наука, 1975. – 259 с.
6. *Ионин А. А.* Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века / А. А. Ионин. – Иркутск : [Б. и.], 1895. – 238 с.
7. *Иркутск в панораме веков: очерки по истории города.* – Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2002. – 512 с.
8. *Иркутская летопись* / сост. П. И. Пежемский и В. А. Кротов. – Иркутск : Труды ВСОРГО, 1911. – 418 с.
9. *Кашик О. Н.* К вопросу о положении пашенных крестьян в Восточной Сибири / О. Н. Кашик // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск : Наука, 1968. – Вып. 3. – С. 120–135.

10. *Кашик О. Н.* Ремесло и промыслы в Прибайкалье в XVII – XVIII в. / О. Н. Кашик // Очерки истории Сибири. – Иркутск, 1973. – Вып. 4. – С. 3–48.
11. *Кашик О. Н.* Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв. (по данным таможенных книг Нерчинска, Иркутска, Илимска) / О. Н. Кашик // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 1965. – С. 199–206.
12. *Кириллов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / И. К. Кириллов. – М. : Наука, 1977. – 444 с.
13. *Колмаков Ю. П.* Иркутская летопись 1661–1940 гг. / Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 848 с.
14. *Копылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в. / А. Н. Копылов. – Новосибирск : Ред.-издат. отдел АН СССР, 1965. – 265 с.
15. *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века / А. Н. Копылов. – Новосибирск : Наука, 1974. – 252 с.
16. *Кудрявцев Ф. А.* Иркутск. Очерки истории города / Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1958. – 516 с.
17. *Новлянская М. Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири / М. Г. Новлянская. – Л. : Наука, 1970. – 184 с.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 2551.
19. РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 7.
20. С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. – Л. : Наука, 1966. – 239 с.
21. Хрестоматия по истории Читинской области. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд., 1972 – 506 с.
22. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. II. Пашня Илимского воеводства XVII – начала XVIII века / В. Н. Шерстобоев. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 2001. – 604 с.

Living Conditions of Urban Population of Irkutsk in the Late XVIIth – the First Third of the XVIIIth Centuries

V. P. Shaherov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers the formation of urban population of Irkutsk fortress and town. It provides data on the quantitative and the social composition of the town. The author analyzes the main areas of economic activities, development of economic relations during the conquest Baikal Siberia, as well trading relations of dwellers of Irkutsk with Mongolia and China.

Keywords: Irkutsk, urban population, economic relations, fur trade, Chinese goods, craft.

Шахеров Вадим Петрович

*доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России, исторический
факультет*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24–05–22
e-mail: wodalish@yandex.ru*

Shaherov Vadim Petrovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia,
Historical Faculty*

*Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24–05–22
e-mail: wodalish@yandex.ru*